

Наши бы 10.

1986, 27 марта

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

22 марта 1986 г.

МЕНЯ всегда мучила мысль, что у москвичей нет того интимного ощущения своего города, которым отличаются, скажем, коренные ленинградцы. Да и — пусть в меньшей степени — новожилы города, как-то удивительно легко усваивающие ленинградскую традицию. Москва необъятна, неохватна и к тому же слишком быстро меняется. Не успеваешь привыкнуть к одному облику города, а он уже стал другим. Сколько прошло лет, а я все иду Собачью площадку, поглощенную Калининским проспектом. Когда вспоминаешь, сколько старины съел этот широкий, вялый, невыразительный проспект, так и не слившийся с арбатской Москвой, то начинаешь сомневаться, так ли он был необходим. В конце концов транспортные проблемы этой части города можно было решить иным способом.

В последнее время в разрушении старой Москвы возобладал «зонный» способ. Примеры: Тульская улица, Калевская, Домникова, Зацепя. Это не исключает «выборочной» ликвидации, что и делается на Таганской площади, улицах Калевской, Сretenке.

За десять лет снесены палаты XVI—XVII вв. на Калашевской набережной, дом в стиле московского классицизма по ул. Гиляровского, где бывал Ленин, дом поэта Плещеева (Оружейный пер.), дом Афанасия Фета (Плющиха), дом Белинского (Рахмановский пер.), дом Щепкина (ул. Ермоловой), дом Рахманинова (Калининский пр.), в Сокольниках сгорела дача Дзержинского в Лучевой просеке. Под угрозой квартира Есенина в Померанцевом переулке; в бесхозном состоянии дом Брюсова на проспекте Мира; под угрозой и дом Щепкина на улице его имени. Интересно, чем так не угодили великий актер Щепкин московским добродетелям, что хотят стереть память о нем? Несмотря на решение исполкома Моссовета, до сих пор не открыт доступ к могилам Ослиби и Пересвета.

Ленинград легко любить, его ядро неизменно чуть ли не со времен Пушкина. А что осталось от Москвы моего детства? Красная площадь... Даже в исторический центр, в перепутанных переулках влезает безобразные башни и стандартные, безнадёжно скучные громады. Кстати сказать, во всем мире берегут старинное ядро города. Я слышал, что в связи с расширением Музея им. Пушкина раздавались голоса за то, чтобы снести старые дома на Волхонке и в прилегающих переулках. Как ни прекрасен этот музей, для народной души не менее важны старые дома.

Любовь к Родине начинается с любви к своей улице — банально, но это святая правда. Проблема новых районов — прежде всего проблема нравственная. Воспитать хорошего человека среди безликих каменных коробок труднее, чем на берегу Чистых прудов или в сплетении старых арбатских переулков, где все пронизано важной памятью. Но люди, от которых зависела Москва, упорно не хотели этого понятия.

Москва не стабильна именами улиц и площадей. Ее почти всю переименовали и азартно продолжают эту тоже по-своему разрушительную работу. А между тем и в центре, и на окраинах есть множество улиц и переулков, для которых никак не придумают имена, добавляя порядковый номер к одному и тому же названию. Для чего понадобилось переименовывать в улицу Рыбеева старый Гагаринский переулок, на углу которого с бывшим Нащокинским (ныне ул. Фурманова) не раз жила Пушкин у своего московского друга? А правильно ли поступили, переименовав исконно живущую с Москвой Зубовскую площадь? Ведь на Зубовской, а не на площади Шолохова разбил князь Пожарский войска гетмана Ходкевича и заставил их отступить на Поклонную гору: его хоть не переименовали. А подарить имя великого пролетарского писателя можно было одной из молодых площадей.

Кроме всего прочего, дестабильность вредна, она разрушает первую систему. В старых английских магазинах все остается таким же, как сто и более лет назад. У нас же в столице все непостоянно, все в движении и переменах; ты никогда не знаешь, окажется ли нужный магазин, учреждение, почта, сберкасса, стоянка такси на том же месте, что две недели назад, а ведь есть еще и такие привычные неожиданности, как «закрыто на ремонт», «закрыто на учет», «закрыто на переулет», «санитарный день», «некому обслуживать». Ты не ощущаешь город своим домом, он все время устраивает тебе каверзы.

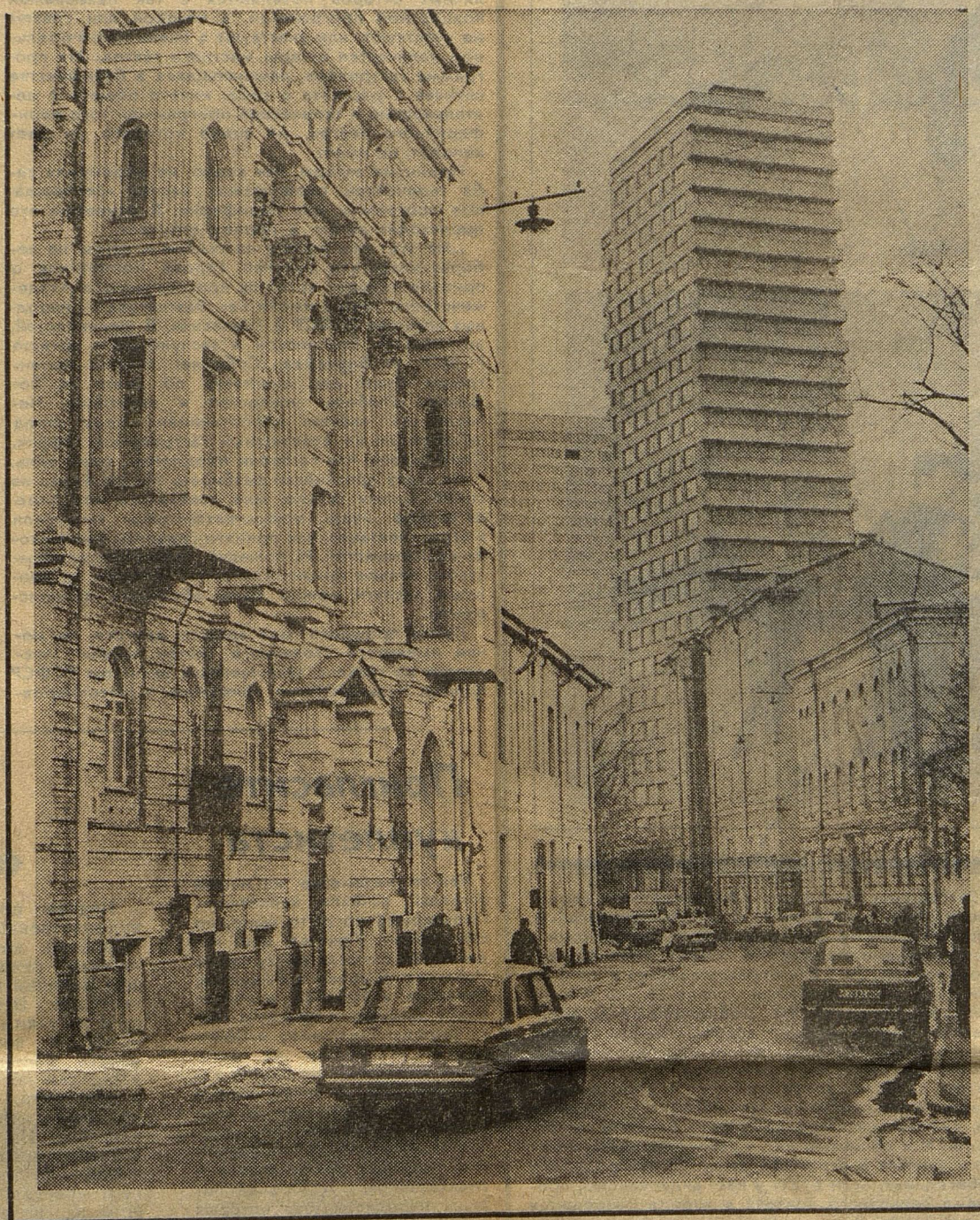
И ВОТ что еще, Москва — колдунья, она может заставить тебя в миг забыть обо всем, что искажает ее черты. Она бывает так неопишимо хороша, но хуа бы в мае, когда в московские белые ночи непрозрачный сумрак окутывает золотые купола, и дивный свежестью тянет из Александровского сада. А разве не чудо наш город в дни похорон осени, когда меняются багрец и золото, а Москва-река отражает густо-синее небо, и мосты кажутся высилами в воздухе, и все дома с медным пожаром зари в окнах заслуживают охраны государства? Бывают счастливые дни и зимой, когда город кружится инеем, а пушистый снег рождается своей нежностью и белизной, что никогда не станет кошмаром сугробов, непролази и гололеда.

Москва умеет обманывать. Она поражает на



Юрий Нагибин

О МОСКВЕ С НАДЕЖДОЙ И ЛЮБОВЬЮ



Особенно нужны кафе молодежи. Сейчас все очень разобщено, дефицитом стало «золото человеческого общения». Наши знаменитые дворы были своего рода клубами. В исходе двадцатых — тридцатых годов жизнь была куда труднее и аскетичнее, а люди общительнее, ниничастнее. Каждую зиму мы заливали в садике посреди двора каток, днем тут катались взрослые и дети, а по вечерам (над катком висела гирлянда лампочек) рубились в «факе» — так нам звучало непривычное слово «хоккей». У нас был красивый уголок, где показывали фильмы, а раз в месяц давали концерт самодеятельности — талантливо и остроумно, так мне кажется из далеких лет.

Сейчас дворы исчезают, какие могут быть дворы при домах-башнях, а с ними уходит многое важное в детской жизни: дворовая дружба-вражда, сложные иерархические отношения дворовой волиницы, особый кодекс чести, необходимое на заре туманной юности молодечество, добрые товарищеские драки, дворовый бескорыстный спорт и дворовые танцы. «Во дворе, где каждый вечер все играло радиола», помните?.. Исчезнут дворы, и навсегда не станет Ленки Королева, а без него плохо.

Сейчас очень многое работает на разобщение людей и очень мало на сближение. В нашу пору, кроме общих квартир и дворов, сближающее кино, на котором все мы были помещены,

выдающимися голосами, но жили и хотели петь — для себя. Ну уж если очень хорошо полюбится, пусть послушают свои заводские. И рисовать, и лепить, и выпивать хотели для себя, не на выставку. Ныне же одна забота — скорее вывести любителей на суд людской и получить некий официальный статус, с которым приходит всякая слава. Если ты шапки двигаешь, так скорее получишь разряд, если на балалайке тренькаешь, то будь хоть районным лауреатом. И получается, что участники заводской самодеятельности имеют такое же отношение к рабочему коллективу, как игроки футбольной команды «Торпедо» к ЗИЛУ.

Но в некоторых новых микрорайонах нет даже скучных клубов, ничего нет.

С удручающим однообразием их все уже смирились, в том числе и обитатели громадных, не отличимых одна от другой серых коробок, оживленных красочно-облезлыми балочниками. Похоже, смирились и с отсутствием культурных учреждений. Как говорится, лишь бы не было войны. Правда, на периферии Москвы за последние годы построено несколько двухзальных кинотеатров. Но тревожно, что зрителей в этих роскошных кинодворцах мало. Да и по всей Москве посещаемость кинотеатров год от года падает. Глобальная причина всем ясна — телевизор, это мировое явление. Я видел в Токио целый квартал заброшенных кинотеатров — огромные мерт-

трудно удивить «чертовым колесом» или красивыми зеркалами. Теперь многое стало рутинным, скучным, бывшее очарование исчезло.

Как прекрасно звучит духовая музыка в городском саду, она волнует, будит воспоминания — даже о том, что не с нами было. В прошлом году в Серебряном бору зазвучали трубы духового оркестра, и скучноватое место обрело поэзию и глубину. Не говоря уже о том, что старинные вальсы заглушили разноречивые транзисторы — летнего кошмара Москвы и Подмосквы. Может, с этого и начать?

Не надо вообще слишком легко верить, что чего-то нет, а на нет, мол, и суда нет. Еще недавно москвичи с великой кротостью смирились с тем, что Москву перестали чистить от снега и льда. Сбивались машины на загроможденных сугробами улицах, пешеходы ломали руки и ноги на тротуарной наледь.

«Некому работать...» — «Снегоочистительные машины стоят...» — мы сами услужливо придумывали оправдания нераспорядительности, равнодушию, разгильдяйству. И вот, будто родившись из воздуха, на улицах Москвы появились сотни снегоборочных машин, ожили и схватились за скрепки ушедшие в коммерческую деятельность дворничихи, к ним на помощь пришли москвичи, желтый песок усеял поля «ледовых побоищ», город стало не узнать. Впрочем, московские старожилы припоминают: такой некогда и была зимняя Москва — чистая, прибранная, безопасная для пешеходов.

Стоит коснуться одной московской проблемы, как она тут же тянет за собой другую. И все-таки есть одна главная, проникающая во все остальные: наш город в том виде, в какой его привели, не способствует сближению людей.

Сейчас при неизмеримо возросших средствах общения коммуникабельность снизилась. Это распространяется почти на все формы человеческого обмена. Недаром исчез в литературе эпистолярный жанр. Писать пространственные письма считается неприличным. А в старое время жизнь мало-мальски образованного человека не мыслилась без переписки. Сейчас письма вытеснены открытками, телеграммами, телефоном. Тем важнее непосредственное общение. Но у него повсеместно возникло много недругов, а в таком громадном и разрозненном городе, таком сложном механизме, как Москва, — особенно.

Кто-то сказал, что истину в одиночку не отыщешь. Наверное, в науке какие-то истины ищут в одиночестве, хотя и наука стала коллективной, ну, а общечеловеческие истины лучше искать сообща. Без живых соков общения человек ссыхается в индивидуалиста.

Поскольку во имя общения мы не вернемся в коммунальные квартиры и к трамвайным скоростям, не откажемся от телевизора, не заменим телефонно-телеграфную краткость длинными эпистолами, не наедем голыню новых районов кучами Ватто, влекущими к познанию и любви, то решим, что можно сделать уже сейчас, сегодня. Первое и самое простое: открыть двери дворов и клубов всем, кому захочется прийти сюда просто так: поговорить, почитать журналы, послушать музыку, сразиться в шахматы. Перестать думать о зачетных очках, победах на конкурсах, всяком «наваре», а силами самих посетителей сделать клубную жизнь интересной и теплой. Чтобы людям, особенно молодым, хотелось там бывать, а не подпирать стены подъездов, слоняться по улицам или торчать у домашнего телевизора. Чтобы клуб стал местом дружеских встреч, а не влетной площадкой особо одаренных одиночек. Клуб не оранжерея для выращивания талантов, он для общей радости. И побольше игры, непринужденного общения.

Есть много способов сделать жизнь интересней, многообразней. Нужны лишь инициатива и упорство. Эти качества оказались у студентов и выпускников химико-технологического института, создавших самодеятельный театр. Недавно ребята своими силами оборудовали помещение на улице Чехова, под боком у Театра Ленинского комсомола, не испугавшись грозного соседства пленительно-оглушительных рок-опер, правдивей самой жизни бормотка Петрушевской и того неистового фламандского юноши, в чье сердце стучался пепел Класа. За годы своего существования театр накопил мускулы, создал хороший репертуар, москвичам по душе его имя «Театр на улице Чехова», нравится и дерзкое название одной из пьес «Чехов на улице Чехова»...

НО МЫ все о досуге, о развлечениях, самодеятельности и самообразовании. А ведь Москва не Диснейленд и не воскресная школа. Москва — могучий организм, призванный обеспечивать существование многомиллионного населения, бесперебойную работу огромной промышленности, на Москве лежит забота о всех государственных учреждениях страны, здесь находится Академия наук, Академия медицинских наук, Академия художеств, крупнейшие музеи, книгохранилища, архивы, это центр туризма и всех международных связей, Москва воинству мировой город, связанный со всеми живыми точками планеты.

Для города особенно важны коммуникации. Трагедия всех современных больших городов — перенаселенность и переполненность автомобильным транспортом. В этом отношении Мо-

становок, окутанные паром дыхания, пресквозженным кровавым неоновым светом.

И еще один вопрос: почему таксисты так часто едут не туда, куда тебе нужно, или на обед, или в парк, или вообще никуда не едут, пребывая в таинственном ожидании какого-то чуда-пассажира? Неужели и они не заинтересованы в законном заработке плюс чаевые? Да, это так. Каждый уважающий себя, но не своих сограждан таксист метит в мини-автобусы, ведающие разных пассажиров по одному и тому же маршруту за отдельную плату; все платят полностью то, что указано на счетчике. Если же он пробился на трассу «Домодедово — Шереметьево» и обратно или «Шереметьево — Внуково» и обратно, то он — мини-автобус с максизаработком. Понятно, почему среди таксистов нередко встретишь бывшего инженера, запятанного подальше диплом, или скрывающего своего научную степень кандидата наук.

Я всегда с интересом смотрю на сотрудника ГАИ, который карает меня за отказавший сигнал поворота, перегоревшую лампочку, отсутствие бокового зеркала (украденного, когда я смотрел спектакль в новом помещении МХАТа и страшно простудился, так дуло со сцены), за помятый бампер или крыло, за разбитый подфарник. Он ведь прекрасно знает, что нужных запчастей почти никогда не бывает в продаже, надо месяцами обивать пороги магазина, чтобы случайно застать дефицитную деталь. Он знает также, что своим карающим жестом толкает меня на мелкое преступление, я куплю эту запчасть у таксиста, который украдет ее в своем гараже, а то и у проходной завода. Я не стану писать о работе московских станций техобслуживания, ибо это материал для уголовной хроники. По той же причине не стану писать о московской торговле, которой всерьез занялись органы правопорядка. Долгожданный народом гром грянул.

Моя блуждающая мысль идет к теме вежливости, вернее, невежливости, а если прямо: к хамству. Многие приезжие едины в том, что Москва невежливый город. Спросите прохожего москвича, где находится нужная вам улица, переулок, учреждение, — даже не выслушав толком, он буркнет: «Я не здешний!» и пройдет мимо. Почему в Москве все неэтикетное? Состав Москвы меняется, обновляется, но ведь обычно люди, получившие московскую прописку, остаются тут навсегда и не имеют морального права ссылаться на свою «потусторонность». Я уже надел с Ленинградом, но любой тамошний новожил считает себя коренным ленинградцем и трогательно гордится своим скороспелым знанием города. А москвич и с многолетним стажем не стремится узнать свой великий город, вроде бы бравирует его незнанием. Это заразило даже тех, у кого Москва в крови, может, и раздражение против тьмы приезжих скрывается, но не обращайтесь к московским прохожим, вразумительного ответа вы не услышите.

А как ведут себя москвичи в местах людского скопления, как разговаривают в магазинах, на почте, в прачечной, сберкассах? И если в магазинах приоритет на хамство принадлежит продавцу, как власть имущему, то в остальных случаях первым заводитесь обычно клиент, правда, подвергаясь агрессии стороны, которая берет верх в силу натренированности и лучшей защищенности. Что стоит за грубостью отношений? О, много! С одной стороны — сорванная стремительным московским образом жизни нервная система, с другой — незаинтересованность в работе при острой нехватке кадров в сфере обслуживания. Приемщица в прачечной сказала: «За эти гроши да еще улыбайся!». наших туристов удивляет вежливость продавцов, официантов, гостиничных служащих «за бутром». Там существует правило: клиент всегда прав — и страх безработицы. Такая вот принудительная вежливость, под угрозой увольнения, не для нас. Наши людям чужд страх увольнения. Обратимся к опыту Аэрофлота. Своё обслуживание пассажиром он определяет как «ненавязчивое» — прекрасная формулировка! Вот за такую ненавязчивую вежливость мы должны бороться, чтобы падали друг друга, не собачиться попустому. Это продлит жизнь как обслуживающим, так и обслуживаемым. Да и нет между нами барьера: мы все обслуживаем друг друга.

А НЕ ПЕРЕБОРИШЬ ли я? Что же, в Москве все так плохо? Конечно, нет. Город живет! Но вспоминаются слова О. Мандельштама: «Мы думаем, что все в порядке, потому что ходят трамваи». Обобщим слово «трамвай», пусть оно обобщает все виды городского транспорта и городские службы, МХАТ, Малый театр, цирк, детскую оперу, МХАТ, Музей им. Пушкина с его великолепными экспозициями и культурной программой, да мало ли сколько еще в Москве хорошего, талантливого, уникального, значительного, и вы уверитесь, что все в полном порядке. Нет, не в порядке, не надо себя обманывать, лучше посмотреть правде в глаза.

Выработалась, мне думается, чрезвычайно дурная манера говорить о наших недостатках. Чтобы тебя не обвинили в очернительстве, надо прежде всего развернуть сияющую панораму наших достижений, которые так великолепны, что они не дадут тебе возможности сказать мет-

ря на решение исполкома Моссовета, до сих пор не открыт доступ к могилам Ослиби и Пересвета.

Ленинград легко любить, его ядро неизменно чуть ли не со времен Пушкина. А что осталось от Москвы моего детства? Красная площадь... Даже в исторический центр, в перепут арбатских переулков влезают безобразные башни и стандартные, безнадежно скучные громады. Кстати сказать, во всем мире берегут старинное ядро города. Я слышал, что в связи с расширением Музея им. Пушкина раздавались голоса за то, чтобы сносить старые дома на Волхонке и в прилегающих переулках. Как ни прекрасен этот музей, для народной души не менее важны старые дома.

Любовь к Родине начинается с любви к своей улице — банально, но это святая правда. Проблема новых районов — прежде всего проблема нравственная. Воспитать хорошего человека среди безликих каменных коробок труднее, чем на берегу Чистых прудов или в сплетении старых арбатских переулков, где все пронизано важной памятью. Но люди, от которых зависела Москва, упорно не хотели этого понять.

Москва не стабилна именами улиц и площадей. Ее почти всю переименовали и азартно продолжают эту тоже по-своему разрушительную работу. А между тем и в центре, и на окраинах есть множество улиц и переулков, для которых никак не придумают имена, добавляя порядковый номер к одному и тому же названию. Для чего понадобилось переименовывать в улицу Рылеева старый Гагаринский переулок, на углу которого с бывшим Нащокинским (ныне ул. Фурманова) не раз жывал Пушкин у своего московского друга? А правильно ли поступили, переименовав исконно сжившуюся с Москвой Zubовскую площадь? Ведь на Zubовской, а не на площади Шолохова разбил князь Пожарский войска гетмана Ходкевича и заставил их отступить на Поклонную гору: еето хоть не переименовали. А подарить имя великого пролетарского писателя можно было одной из молодых площадей.

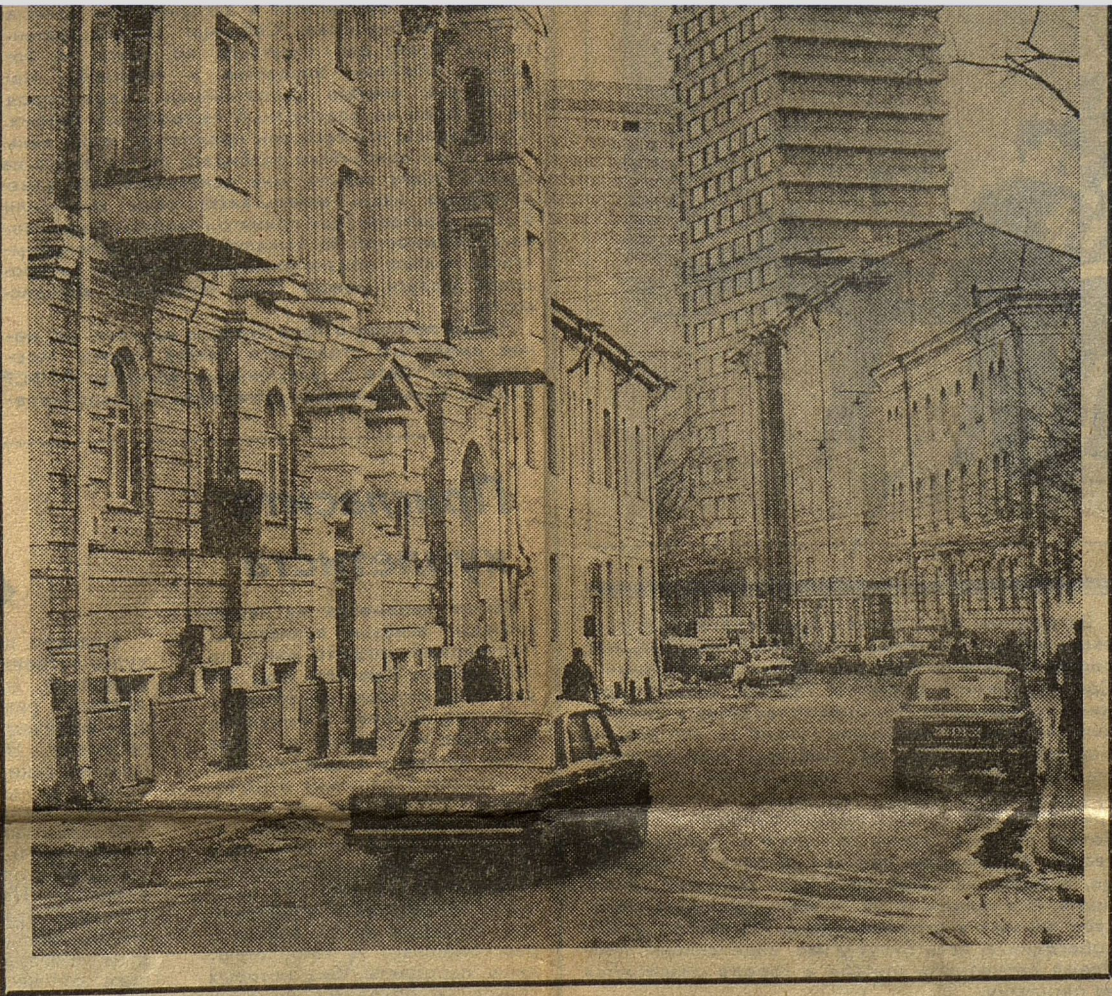
Кроме всего прочего, дестабильность вредна, она разрушает нервную систему. В старых английских магазинах все остается таким же, как сто и более лет назад. У нас же в столице все непорочно, все в движении и переменях; ты никогда не знаешь, окажешься ли нужным магази-ну, учреждение, почта, сберкасса, стоянка такси на том же месте, что две недели назад; а ведь есть еще и такие привычные неожиданности, как «закрыто на ремонт», «закрыто на учет», «закрыто на переучет», «санитарный день», «некому обслуживать». Ты не ощущаешь город своим домом, он все время устраивает тебе каверзы.

И ВОТ что еще, Москва — колдунья, она может заставить тебя в миг забыть обо всем, что искажает ее черты. Она бывает так неопиcимо хороша, ну хотя бы в мае, когда в московские белые ночи непрозрачный сумрак окутывает золотые купола, и дивной свежестью тянет из Александровского сада. А разве не чудо наш город в дни погожей осени, когда мешаются багрец и золото, а Москва-река отражает густо-синее небо, и мосты кажутся висящими в воздухе, и все дома с медным пожаром зари в окнах заслуживают охраны государства? Бывают счастливые дни и зимой, когда город кружится инеем, а пушистый снег ручается своей нежностью и близкой, что никогда не станет кошмаром сугробов, непролази и гололеда.

Москва умеет обманывать. Она поражает на подъезде к ней морем огней, золотым заревом, вселенским нимбом, и надо оказаться в ущельях темных улиц, чтобы понять, до чего плохо она освещена. Правда, в последнее время света прибавилось. Но все же, все же... Есть ночные города: Токио, Нью-Йорк, Копенгаген, есть города, в которых очарование дня спорит с очарованием ночи, и все-таки они предпочтительнее днем: Ленинград, Лондон, Прага, Москва, конечно, дневной город. На центральных улицах то ли не хватает фонарей, то ли они горят в полнакала, то ли через один, боковые же улицы вовсе тонут в темноте, очень мало ярко освещенных витрин (впрочем, это хорошо), почти нет реклам, а неоновые — кроваво-красные и ядовито-зеленые — огни гастрономов, аптек и редких кафе удручающе художочны, словом, световой феерии неоткуда взяться. И меня всегда поражает хладнокровие хозяйственников, которые месяцами мирятся с такими огненными письмами: «...астроном», «прод., ственный маг...», «парик...ер...ая».

Современным городам много света дарят уличные кафе, которых у нас почти нет. Да и обычных кафе раз-два и обчелся. В пору моего детства на углу Петровки и Столешникова находилось летнее кафе «Красный мак», славившееся своим трехслойным высоким, как башня, и невероятно вкусным пловбиром. И как было прекрасно сидеть в скрещении двух самых оживленных улиц городского центра над башенкой из мороженого, крема и взбитых сливок, глазеть на прохожих, лениво перебрасываясь замечаниями о проплывающих мимо красавицах и упиваться своей взрослостью. Тут не было и тени цинизма, семидецатилетние оболтусы, мы были целомудренны и трезвы, наши загулы — это кафе «Мороженое». В одном из них, на улице Горького, показывали документальные фильмы, лампы на століках были снабжены специальными колпачками. Впрочем, каждое кафе имело свое лицо, свой ассортимент и свою музыку. Теперешние немногочисленные кафе безлики, неуютны, холодны и «невкусны», чаще всего они сбиваются на второразрядные рестораны. До войны кафе «Националь» славилось яблочным паем и кофе со сливками, «Метрополь» — бриошами и пончиками, «Артистическое» в проезде Художественного театра — хворостом и какао; в каждом были свои заветсгдатаи, и старый москвич знал, кого из знакомых где искать. Сейчас это скучные столочки.

А ведь кафе — серьезнейшая часть городской жизни, место деловых и дружеских свиданий, место отдыха или передышки посреди дневных забот, место роднения с городом, а также «информационный центр», где можно почитать газету, полистать журналы, обменяться новостями, даже сплетнями — и это потребно человеку, завалинок и колодцев в городе нет.



Особенно нужны кафе молодежи. Сейчас все очень разобщены, дефицитом стало «золото человеческого общения». Наши знаменитые дворы были своего рода клубами. В исходе двадцатых — тридцатых годов жизнь была куда труднее и аскетичнее, а люди общительнее, инициативнее. Каждую зиму мы заливали в садике посреди двора каток, днем тут катались взрослые и дети, а по вечерам (над катком висела гирлянда лампочек) рубились в «файке» — так нам звучало непривычное слово «хоккей». У нас был красный уголок, где показывали фильмы, а раз в месяц давали концерт самодеятельности — талантливо и остроумно, так мне кажется из дали лет.

Сейчас дворы исчезают, какие могут быть дворы при домах-башнях, а с ними уходит многое важное в детской жизни: дворовая дружба-вражда, сложные иерархические отношения дворовой вольницы, особый кодекс чести, необходимое на заре туманной юности молодечество, добрые товарищеские драки, дворовый бескорыстный спорт и дворовые танцы. «Во дворе, где каждый вечер все играла радиола», помните?... Исчезнут дворы, и навсегда не станет Леньки Королева, а без него плохо.

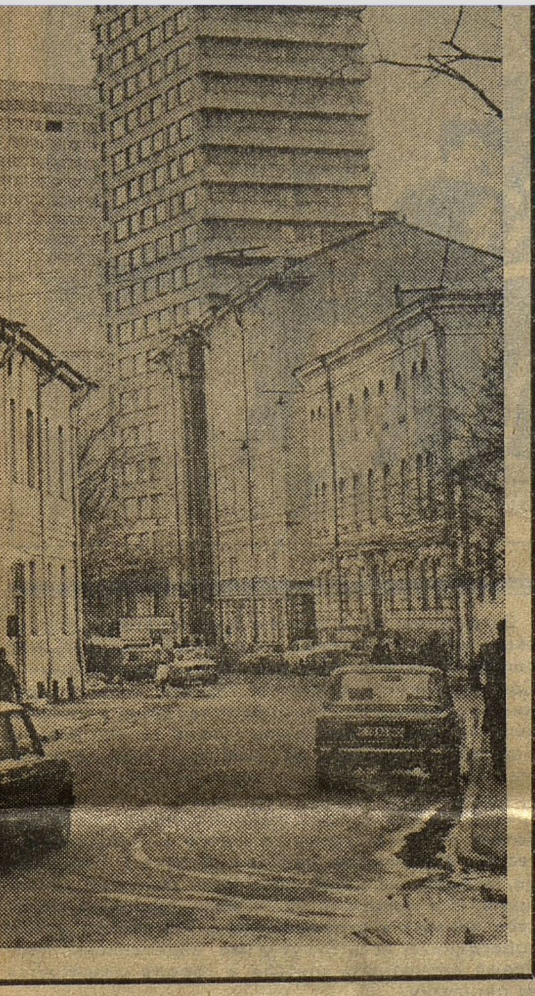
Сейчас очень многое работает на разобщение людей и очень мало на сближение. В нашу пору, кроме общих квартир и дворов, сблизяло кино, на котором все мы были помешаны. Тем более, что ранние в кино не забегали, а торжественно отправлялись задолго до начала сеанса послушать хороший джаз — в «Колiseum» выступал ансамбль Варламова — один из лучших в стране, в «Ударнике» — Рачевского, в 1-м кинотеатре пел Вадим Козин, — выпить газировки с вишневым или шоколадным сиропом в буфете, посмотреть на таинственные лица знаменитых киноактеров, — такая экспозиция была в каждом уважающем себя кинотеатре.

Нынешнему молодому гражданину Москвы привычнее сидеть дома, или слоняться по тротуарам, или трястись в дискотеках в танках, не создающих интимности, пары. Радость живого общения, способность что-то переживать сообща, ушоение беседы исчезают из нашей жизни.

В начале шестидесятых возникли молодежные кафе, в них не танцевали, а разговаривали, спорили, читали стихи — свои и чужие, слушали песни в исполнении отечественных бардов, шумели... Однажды меня пригласили в это кафе поспорить о фильмах. Мне там понравилось — горячая атмосфера, запах молодости. В дальнейшем я что-то не слышал об этих кафе. Не знаю, что там случилось, но догадаться можно. Кого-то осенило пресловутым: как бы чего не вышло, и натянулись административные вожжи. Впрочем, не исключено, что рудименты молодежных кафе остались, но зачастую уже не на радость посетителям, а ради галочки.

А что пришло взамен? Дискотеки. С их оглушительным шумом и дурным вкусом рабской подражательности. Любопытно, что дискотечные танцы тоже не работают на сближение: кавалер сам по себе дергается посреди круга из нескольких, порой вовсе не знакомых ему — язык не поворачивается сказать — партнерш, живущих самостоятельной кинетической жизнью.

В СВОЕ время заводские дворцы и клубы хорошо служили молодежи. Там не было пышных балов и блистательных представлений, которые транслируются по телевидению, не было изысканных мастеров танго, каких не встретишь и в далекой Аргентине, не было и умело-развязных певцов, орудующих шнуром микрофона ловчее самого Леонтьева, все было проще, неуклюжее и милей. Ныне кружки пения — сольного и хорового — существуют во многом для тех, кто одарен голосом и слухом от природы и после должной выучки может участвовать в смотрах, фестивалях, завоеывая призы, кубки, вымплые на радость руководству. Такие певцы ведут почти профессиональную жизнь, ездят на гастроли по стране и даже за рубеж. Аж завидки берут, но молодежные клубы были задуманы не ради этого. В кружки шли люди, которые не отличались



выдающимися голосами, но любил и хотели петь — для себя. Ну уж если очень хорошо получится, пусть послушают свои, заводские. И рисовать, и лепить, и вышивать хотели для себя, не на выставку. Ныне же одна забота — скорее вывести любителей на суд людской и получить некий официальный статус, с которым приходит всякая сласть. Если ты шапки двигаешь, так скорее получаи разряд, если на балалайке тренькаешь, то будь хоть районным лауреатом. И получается, что участники заводской самодеятельности имеют такое же отношение к рабочему коллективу, как игроки футбольной команды «Торпедо» к ЗИЛУ.

Но в некоторых новых микрорайонах нет даже скучных клубов, ничего нет.

С удручающим однообразием их все уже смирились, в том числе и обитатели громадных, но отличных одна от другой серых коробок, оживленных красочн-облезлыми балкончиками. Похоже, смирились и с отсутствием культурных учреждений. Как говорится, лишь бы не было войны. Правда, на периферии Москвы за последние годы построено несколько двухзальных киногигантов. Но тревожит, что зрителей в этих роскошных кинодворцах маловато. Да и по всей Москве посещаемость кинотеатров год от года падает. Глобальная причина всем ясна — телевизор, это мировое явление. Я видел в Токио целый квартал заброшенных кинотеатров — огромные мертвые дома в обрывках старых амфи, с выбитыми стеклами, словно после бомбежки. Но у японского телевидения двенадцать программ, а в Москве всего четыре. Неужели эти четыре программы потрафляют всем вкусам? Кстати, токийское кино до последнего билось за свое существование, пустив в ход радио и световую рекламу, афиши на каждом шагу и даже уличных зазывал. Ну, а наши кинотеатры борются за зрителя? Впрочем, это, кажется, забота кинопроката, а тот, видать, как-то выкручивается «по валовому сбору» за счет всяких фантомасов и Челентано, ему и горюшка мало.

Самый простой и верный способ привлечь зрителя к фильму, да и к любому зрелищу — афиша, красивая, броская, буквально хватающая прохожего за рукав. А ведь афиша не только информирует и завлекает, она украшает город. Увы, и этого украшения лишилась Москва, афишные стенды редки и безрадостны.

Когда у Евгения Евтушенко была фотовыставка, он взял свои афиши, ведерко с мучным клеем, большую кисть, погрузил все это в машину и сам стал ездить по горячим точкам столицы и клеить. Сила Евтушенко в том, что он не ждет милостей ни от природы, ни от учреждений. «Профессия расклеиваика афиш исчезает в Москве», — сказали мне в дирекции Политехнического музея, где у меня была встреча с читателями, о которой оповещала одна-единственная афиша у входа.

Что, клеить нечего? Может, и нечего, но для каждого нового фильма создается броская, яркая афиша — не пропало мастерство наших художников-плакатистов, которое так блистательно показало себя в гражданскую войну (знаменитые окна РОСТА, где работал Маяковский), в труднейшую пору Отечественной войны — как подымали дух плакаты Кукурыникова, Тоидзе, Иванова и других! — да и после войны советский плакат процветал. То, что сейчас появляется к праздникам и памятным датам на улицах Москвы, плакатом порой не назовешь — схематизм, бездушие. Так вот, афиши есть, но их нет.

Парки, общественные сады — тоже часть московской жизни. Когда-то радостью и гордостью столицы был Парк культуры и отдыха им. Горького. Здесь отдыхали под старыми деревьями Нескучного сада, на танцевальном круте, в комнате смеха, на «чертовом колесе». В «тихой» комнате можно было поиграть в шахматы и шапки, полистать журналы, а в Зеленем театре давали большие концерты, спектакли и даже оперы («Кармен»), происходили премьерные показы кинофильмов («Цирк»).

Кое-что из перечисленного и сейчас существует, беда в том, что нынешних посетителей

вах общения коммуналческой сплоснась. Это распространяется почти на все формы человеческого обмена. Недаром исчез в литературе эпистолярный жанр. Писать пространные письма считается неприличным. А в старое время жизнь мало-мальски образованного человека не мыслилась без переписки. Сейчас письма вытеснены открытками, телеграммами, телефоном. Тем важнее непосредственное общение. Но у него повсеместно возникло много недругов, а в таком громадном и разбросанном городе, таком сложном механизме, как Москва, — особенно.

Кто-то сказал, что истину в одиночку не отыщешь. Наверное, в науке какие-то истины ищут в одиночестве, хотя и наука стала коллективной, ну, а общечеловеческие истины лучше искать сообща. Без живых соков общения человек ссыхается в индивидуалиста.

Поскольку во имя общения мы не вернемся в коммунальные квартиры и к трамвайным скоростям, не откажемся от телевизора, не заменим телефонно-телеграфную краткость длинными эпистолами, не напомним голизну новых районов кущами Ватто, влекущими к поэзии и любви, то решим, что можно сделать уже сейчас, сегодня. Первое и самое простое: открыть двери дворцов и клубов всем, кому захочется прийти сюда просто так: поговорить, полистать журналы, послушать музыку, сразиться в шахматы. Перестать думать о зачетных очках, победах на конкурсах, всяком «наваре», а силами самих посетителей сделать клубную жизнь интересной и теплой. Чтобы людям, особенно молодым, хотелось там бывать, а не подпирать стены подъездов, слоняться по улицам или торчать у домашнего телевизора. Чтобы клуб стал местом дружеских встреч, а не вазлетной площадкой особо одаренных одиночек. Клуб не оранжерея для выращивания талантов, он для общей радости. И побольше игры, непринужденного общения.

Есть много способов сделать жизнь интересней, многообразней. Нужны лишь инициатива и упорство. Эти качества оказались у студентов и выпускников химико-технологического института, создавших самодеятельный театр. Недавно ребята своими силами оборудовали помещение на улице Чехова, под боком у Театра Ленинского комсомола, не испугавшись грозного соседства пленительного-оглушительных рок-опер, правдивей самой жизни бормотка Петрушевской и того неистового фламандского юноши, в чье сердце стучался пепел Киааса. За годы своего существования театр накопил мускулы, создал хороший репертуар, москвичам по душе его имя «Театр на улице Чехова», нравится и дерзкое название одной из пьес «Чехов на улице Чехова»...

НО МЫ все о досуге, о развлечениях, самодеятельности и самообразовании. А ведь Москва не Диснейленд и не воскресная школа. Москва — могучий организм, призванный обеспечивать существование многомиллионного населения, бесперебойную работу огромной промышленности, на Москве лежит забота о всех государственных учреждениях страны, здесь находятся Академия наук, Академия медицинских наук, Академия художеств, крупнейшие музеи, книгохранилища, архивы, это центр туризма и всех международных связей, Москва воистину мировой город, связанный со всеми живыми точками планеты.

Для города особенно важны коммуникации. Трагедия всех современных больших городов — перенаселенность и переполненность автомобильным транспортом. В этом отношении Москва вполне на уровне мировых стандартов. Но вот что странно: Москва пожертвовала своим исторически сложившимся центром, сменя узкие кривые улицы и создав вместо них широкие магистрали, перекрестки превратила в площади, а площади в пустыри — такого рачительства не может позволить себе ни один город в мире, ибо земля чудовищно дорога, и каждый метр городской площади стараются максимально использовать, кроме того, в Москве куда меньше легковых автомобилей, если сравнить ее со столицами такого же ранга, но пробки на широких улицах стали привычным делом, припарковаться в центре негде, на улицах обилие грузовиков и старых зилонских автобусов, исторгающих из перегоревших глушителей такой смрад, что, попади под струю живое существо, оно тут же бы окочело. ГАИ цепляется к любой малости, когда дело касается частных, но совершенно равнодушно к тому, что губительно для здоровья граждан.

В хорошем современном городе грузовик в дневное время не увидишь. Локальные поставки осуществляются с помощью пикапов и трехколесных машин с мотоциклетным мотором; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором, исправным глушителем и трезвым водителем. Один мой знакомый профессор-француз, увидев на улице Воровского среди бела дня гремящий бор-тами, вихляющий из стороны в сторону, издающий клубы черного дыма самосвал, долго глядел ему вслед, затем сказал понимающе: «А-а, это съемки скрытой камерой!» Он думал, что снимается фильм, а за рулем каскадер; «суперлайнеры» появляются лишь в ночное время, с хорошо отрегулированным, не рычащим, как голодный тигр, мотором,